

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-2-274-281

УДК 821.161.1

МАРГИНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В ПРОЗЕ Р. СЕНЧИНА

Т.А. Пономарева

Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

В статье рассматривается тип маргинальной личности в романе Р. Сенчина «Ёлтышевы». Продолжая традиции русской классической литературы и «деревенской прозы», писатель обращается к теме «маленького человека» постсоветской России. В основе сюжета — распад дома и семьи, личности, маргинализация самой человеческой породы, значительной части общества. Герои романа утратили нравственные нормы традиционной цивилизации, а подлинная городская культура им чужда. Таким образом, Ёлтышевы оказываются маргиналами как в городе, так в деревне. Положение «вне культуры» привело их к гибели.

Ключевые слова: «маленький человек», маргинал, процесс маргинализации, деревенская проза, вещная деталь, дом, система ценностей

Понятие маргинальности вошло в научный оборот в XX веке. Оно характеризует переходные исторические, социальные, культурные эпохи и является предметом исследования многих областей гуманитаристики: философии, социологии, культурологии, психологии. Маргинальность как социологическое понятие обозначает промежуточность, пограничность, состояние человека между какими-либо социальными группами, «на грани двух культур, участвующих во взаимодействии этих культур, но не примыкающих полностью ни к одной из них» [9. С. 345]. Термин «маргинальный человек» (от лат. *margo*, *-inis* — край — англ. *marginal*; нем. *Marginal*) был введен в 1928 году американским социологом Р. Парком (1864—1944), основателем Чикагской школы социологии для обозначения культурного статуса и самосознания иммигрантов [7]. Парк указал, что промежуточность порождает особый тип личности, характеристиками которой является утрата психологической стабильности, чувство морального дискомфорта, конфликта, что приводит к апатии, ощущению бессмысленности существования либо к раздражимости, агрессии, асоциальности.

В начале XXI века проблема маргинальности в связи с социальными процессами России на рубеже столетий актуализируется и становится одним из приоритетных направлений научных исследований. В конце прошедшего столетия к феномену маргинальности обращается и отечественное литературоведение. Одной из этапов работ стала докторская диссертация А.А. Газизовой «Принципы изображения маргинального человека в русской философской прозе XX века: опыт типологического анализа» [5]. Из последних трудов нужно отметить докторские диссертации С.Н. Буниной «Поэты маргинального сознания в русской ли-

тературе начала XX века: М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева» [3], Т.А. Терновой «Феномен маргинальности в литературе авангарда первой трети XX века» [13], кандидатское исследование Е.С. Воробьевой «Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX — начала XXI вв.» [4], статьи А.А. Житенёва, посвященные современной «неформальной» поэзии [6]. Уже из названий указанных работ видно, что существует несколько аспектов в осмыслении маргинальности в литературе.

Во-первых, маргинальность понимается как специфическая характеристика литературного процесса — промежуточные, несистемные, в этом смысле «неклассические», маргинальные явления. Так, Т.А. Тернова, анализируя творчество футуристов и имажинистов, указывает, что маргинальность — это мировоззренческий и художественный феномен переходных эпох, «суть которого состоит в смене аксиологических и художественных приоритетов», «стирании границ между периферией и центром, высоким и низким, жизнью и искусством», в плюрализме как универсальной характеристике мировосприятия авторов [13].

Если в работах Т.А. Терновой, С.Н. Буниной [2], А. Житенёва объектом анализа становятся маргинальные явления в литературном процессе, то Е.С. Воробьева рассматривает образы маргинальных персонажей в прозе В. Ерофеева, В. Маканина и др., то есть обращается к персонажному уровню текста и на ином материале продолжает изучение маргинальной личности в русской литературе второй половины XX века, начатое А.А. Газизовой.

Исследуя прозу С. Довлатова, Вен. Ерофеева, А. Иличевского, Э. Лимонова, («Это я, Эдичка»), романы В. Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени») и «Санька» З. Прилепина и взяв за основу классификацию социолога Джанет Манчини, которая выделяет три вида маргинальности — культурную, структурную и маргинальность социальной роли [1. С. 23], — Е.С. Воробьева предлагает свою типологию маргинального героя в русской прозе последней трети XX — начала XXI веков: герой-эмигрант как «выразитель культурной маргинальности», сохраняющий самоценность личность в чужом мире; «деклассированный герой-люмпен, живущий случайными заработками, не имеющий никаких социальных корней и отличающийся нравственными установками» [4] — пример структурной маргинальности, и герой-бунтарь, радикал, борец с обществом, политической системой, демонстрирующий маргинальность социальной роли.

Однако герои-маргиналы в литературе последней трети XX — начала XXI веков не могут быть представлены только этими типами. Уже «чудики» и «античудики» В. Шукшина не укладываются в эту схему, как и «городские» герои «деревенской прозы» В. Белова или позднего В. Распутина.

В этом аспекте особый интерес представляет литература «нового реализма» и, в частности, проза Романа Сенчина, чье творчество связывают с этим направлением. По мнению А. Рудалева, известного критика из поколения «сорокалетних», эпитет «новый» «свидетельствует не о принципиальной новизне литературы, не является характеристикой культурного и эстетического феномена, а говорит о новых реальностях, вызовах современности, с которыми приходится сталкиваться авторам» [10].

Открытая социальность Сенчина, обращение к теме «маленького человека», особая роль бытовых деталей, документализм, обусловленность характера социальными обстоятельствами свидетельствуют о следовании реалистической традиции. Сам писатель неоднократно указывал на «возвращении реализма» в нашу литературу, подчеркивая такие его отличительные черты, как «человеческий документ», незначительность беллетристических приемов и большую достоверность прозы [11]. В интервью З. Прилепину Р. Сенчин признается: «Для меня проза делится на изящную словесность, где важны не столько содержание, герои, сюжетное развитие, а сам язык <...> и, конечно, в художественном оформлении... документ. Исторический, психологический, человеческий... Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся, как Пушкин их называл — “ничтожных”, людей» [8].

В романе Сенчина «Ёлтышевы» идет своеобразный диалог с «деревенской» прозой, об этом свидетельствует и «мысль семейная», и сюжет «возвращения к истокам», и образ старухи Татьяны, хранительницы традиционного уклада, и тип героя-маргинала, «маленького человека». Но в «Ёлтышевых» показаны распад дома и семьи, маргинализация самой человеческой породы, значительной части общества в новых социальных обстоятельствах постсоветской России.

Завязкой романа становится событие, обозначенное точной датой — 24 апреля 2003 года и ставшее началом социальной и нравственной люмпенизации семьи, когда пятидесятилетний капитан милиции Николай Михайлович Ёлтышев закрыл четырнадцать беспокойных клиентов районного вытрезвителя в «комнатушке», «метра четыре квадратных с большой батареей-змеевиком», да еще приказал «приснуть» перца через скважину, так что «пятеро угодили в реанимацию с отеком легких» [12. С. 5]. После его увольнения и выселения из ведомственной квартиры семья переезжает из районного городка к тетке в деревню. Через три года в живых останется лишь больная Валентина Викторовна. Погибнут тетка Татьяна, в смерти которой, очевидно, виноват глава семьи, и старший сын Артем, нечаянно убитый отцом в ссоре. В первый же вечер после возвращения из заключения будет зарезан младший Денис, получивший пять лет колонии за то, что «в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном» [12. С. 18].

Фабульное время романа «Ёлтышевы» расширяется за счет коротких воспоминаний мужа и жены о молодости, начиная с шестидесят пятого года, когда юная Валентина приехала учиться в город. И катализатором трагических событий в сюжете стала не только (а иногда и не столько) социально-нравственная атмосфера в России начала нового тысячелетия, но и структура личности, неразличение границ между добром и злом. «Ёлтышевы» являются художественным исследованием маргинального человека, который уже отображали В. Распутин в образах детей старухи Анны в повести «Последний срок» (1970), «архаровцев» в «Пожаре» (1985), В. Белов в цикле «Воспитание по доктору Споку» (1983). Но Сенчин доводит тенденцию к «порче» характера до крайнего предела.

В социологическом аспекте герои — Валентина Викторовна, приехавшая из деревни в пятнадцать лет, окончившая библиотечный техникум, ставшая заведующей городской библиотекой, и Николай Михайлович, выросший в бараке и,

скорее всего, горожанин во втором поколении, — повысили свой социальный статус, являя собой пример «восходящей» маргинальности. Такой путь проходили тысячи крестьянских детей, в том числе и сами писатели — «деревенщики» — В.И. Белов, В.М. Шукшин, В.Г. Распутин.

В культурологическом аспекте герои Сенчина остались людьми промежутка. Они не сохранили ценности и нравственные нормы традиционной культуры, «растеряли родню», но и не вошли в мир подлинной городской культуры, приобщившись лишь к ее внешним материальным атрибутам. Не случайно ни у них, ни у сыновей нет друзей и даже приятелей, и на работе с обоими расстались без сожалений. Но чужой для них окажется и деревня.

Объективированное повествование от лица всезнающего автора окрашено видением персонажей, которые по очереди «ведут» рассказ, что позволяет раскрыть внутренний мир семьи Ёлтышевых и их дом.

Дом представлен в романе тремя образами — городская квартира — деревенская изба тетки Татьяны — «новый просторный дом», о котором мечтают герои и строительство которого так и не двинется дальше фундамента и трех рядов бревен. Уже в первом абзаце романа упоминается квартира, которая видится Николаю Михайловичу как вознаграждение за исполнение своих обязанностей, наряду с увеличением зарплаты, на которую «можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а, в конце концов, и на машину [12. С. 5].

В описании семейного уклада Ёлтышевых ключевую роль играют вещные детали, связанные либо с ростом благосостояния (жизнь в городе), либо с неустроенностью (деревня). Смысл существования семьи ограничен конкретно-прагматическими целями, вещи служат для Ёлтышевых единственным доказательством «правильной», «как должно» городской жизни (в частности, дорогая стеклянная тумбочка — знак благополучной жизни начала «нулевых», которая была достигнута благодаря «блатной» должности Николая Михайловича, позволяющей обирать «алкашей»). Единственное «духовное» развлечение — телевизор с «полуголыми девицами». Эта деталь так часто упоминается в романе, что предстает как свершенность для персонажей.

Профессия и должность Валентины Викторовны не наложила никакого отпечатка на героиню, располневшую, «с окаменело-угрюмым выражением лица», лишенную каких бы то ни было духовных запросов. Позже, пытаясь устроиться на работу в деревенскую школу, она скажет, что «прекрасно знает русскую литературу», но только единственный раз у нее мелькнет мысль об утопическом романе, «то ли Алексея Толстого, то ли Уэльса».

Квартире как удобному местопребыванию противопоставлен дом как мироустройство, «теткина изба», вызвавшая у Ёлтышевых «нечто похожее на ужас» [12. С. 36]. «Домишко»: покривившийся сруб, развалившийся стол, бугристая штукатурка на стенах, сгнивший пол бани, — станет для них пристанищем, местопребыванием. Но дом-изба Татьяны соответствует крестьянскому укладу — большая печь, подпол, летняя кухня, стайки для скота и куриц, огород.

Именно в тетке Татьяне нашли воплощение традиционные черты русской крестьянки, опоэтизированные «деревенской» прозой, — труд как основа жизни,

участие в жизни «мира» — восприятие атмосферы сегодняшней деревни как «бесива без остановки», спокойное ожидание смерти, способность к дружбе и к общению, отзывчивость к беде неожиданных родственников, не вспоминаявших о ней лет двадцать, но уверенных, что тетка их примет, терпение и деликатность, с которой она старается не мешать Ёлтышевым, ютясь «в закутке меж столом и буфетом».

Сами Ёлтышевы «крестьянами так и не стали», возвращение к истокам не состоялось. «Домик-склеп», «черная яма» станет свидетелем их маргинализации, «внутреннего сползания на дно жизни» — семейного пьянства, озверения Николая Михайловича, ставшего сыноубийцей, душевной отупелости Валентины Викторовны, эгоистического безразличия Артема, живущего в подобной «временке-тюрьме» родителей жены, семья которой влачит такое же бездуховное существование. Символической характеристикой жизни Ёлтышевых становятся образы пустоты, которую они ощущают за однообразием бытовых занятий, и «тьмы, которая сгушалась все плотнее».

Но в «Ёлтышевых» присутствует еще один аспект маргинализации современной жизни, обусловленный социальными обстоятельствами постсоветской России, разломом производственных и социальных структур на селе в результате радикального реформирования сельского хозяйства. Жители деревни, коренные и «понаехавшие», превращаются в люмпенизированных маргиналов не потому, что они оторвались от родной почвы и культуры, а потому, что «распалась связь времен» и нет той социальной и культурной среды, идеалы и ценности которой могут взрастить, укрепить их душу. В романе с очерковой точностью изображена «нисходящая маргинализация» людей и социальных групп, которые, в отличие от Ёлтышевых, еще не отторгнуты от общества, но утрачивают свои социальные позиции, прежние условия жизни и главное, прежнюю систему ценностей. Этот мотив духовной деградации раскрывается через рассказ о семье жены Антона, историю многодетных Хариных. Деревня в романе является не фоном действия, а художественным доказательством процесса маргинализации как характерного феномена русского общества 1990-х — начала «нулевых» годов.

Р. Сенчин, как всякий автор, принадлежащий к русской литературной традиции, оставляет читателю некоторый проблеск надежды. Она появляется в осознании Валентиной Викторовной огрубления своей души и в последнем ее желании продлить жизнь семьи во внуке, в ее настойчивом крике Родиону: «Ты Ёлтышев!».

Таким образом, роман Сенчина «Ёлтышевы» свидетельствует о диалоге с деревенской прозой, о развитии присущей этому литературному направлению идеологии, мотивов, образов в современной словесности, но, с другой стороны, Сенчин художественно осмысляет феномен маргинальности в его литературном, культурном, социальном и философском аспекте. В мире Сенчина проблески надежды только подчеркивают общее состояние крушения бытия и маргинализации российского общества, лишённого нравственного смысла и связей с прошлым.

© Пономарева Т.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Балабанова Е.С. Концепция маргинальности в западной социологии // Маргинальность в современной России: коллективная монография // Научные доклады (Т. 121). М.: МОНФ, 2000. С. 7–27.
- [2] Бунина С.Н. Маргинальное сознание и маргинальный дискурс в русской литературе начала XX века // Вопросы русской литературы. 2005. Вып. 11. URL: <https://www.scribble.ru/magazine/voprosi11/1.html> (дата обращения: 11.02.2017).
- [3] Бунина С.Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века: М. Волошин, Е. Гуро, Е. Кузьмина-Караваева: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2006. URL: <https://www.dissercat.com/content/poety-marginalnogo-soznaniya-v-russkoi-literature-nachala-xx-veka-m-voleshin-e-guro-e-kuzmin#ixzz3y6MiL2qd> (дата обращения: 15.09.2016).
- [4] Воробьёва Е.С. Маргинальный герой в русской прозе последней трети XX — начала XXI вв.: дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2015. 180 с.
- [5] Газизова А.А. Принципы изображения маргинального человека в русской философской прозе XX века: опыт типологического анализа: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 375 с.
- [6] Житенев А.А., Тернова Т.А. Художественная инновация в «мемориальной» парадигме: «маргинальное» в осмыслении российского постмодернизма // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 139–145.
- [7] Парк Р.Е. Человеческая миграция и маргинальный человек // Парк Р. Избранные очерки. М.: РАН-ИНИОН, 2011. URL: <https://www.twirpx.com/file/1484528/> (дата обращения: 09.09.2016).
- [8] Сенчин Р. Если слушать писателей, все развалится // Захар Прилепин. Официальный сайт писателя <https://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-gazvalitsya.html> > (дата обращения: 14.08.2015).
- [9] Российская социальная энциклопедия / под общ. ред. ак. РАН Г.В. Осипова. М.: Норма — Инфра, 1998. 672 с.
- [10] Рудалев А. Катехизис «нового реализма». Вторая волна. Не так страшен «новый реализм», как его малюют. URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm> (дата обращения: 25.08.2015).
- [11] Сенчин Р. Питомцы стабильности или будущие бунтари? Дебютанты нулевых годов // Дружба народов. 2010. № 1. С. 54–85. URL: http://www.magazines.russ.ru/Дружба_народов/2010/1/se13.html (дата обращения: 14.08.2015).
- [12] Сенчин Р.В. Ёлтышевы: роман. М.: Эксмо, 2010. 316 с.
- [13] Тернова Т.А. Феномен маргинальности в литературе авангарда первой трети XX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2012. URL: <http://www.cheloveknauka.com/fenomen-marginalnosti...avangarda> (дата обращения: 10.12.2016).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 февраля 2017

Дата принятия к печати: 5 апреля 2017

Для цитирования:

Пономарева Т.А. Маргинальный герой в прозе Р. Сенчина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 2. С. 274–281.

Сведения об авторе:

Пономарева Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы института филологии Московского педагогического государственного университета, профессор.

Контактная информация: e-mail: taonomareva@mail.ru

THE MARGINAL HERO IN THE PROSE OF R. SENCHIN

T.A. Ponomareva

Moscow State Pedagogical University
Malaya Pirogovskaya, 1, Moscow, Russia 119991

The article examines the marginal type of personality in the novel of R. Senchin. “Yoltyshevs”. The author continues traditions of Russian classical literature and “village prose” and refers to the theme of the “little man” in post-Soviet Russia. The plot is based on the disintegration of home, family and personality, the marginalization of the human nature itself and significant part of society. The characters of the novel have lost their standards of traditional civilization, and the true urban culture remained alien to them. Yoltyshevs have become marginals both in the city and in the country. The position “outside of the culture” led them to destruction.

Key words: the “little man”, marginal hero, marginalization, the “village prose”, subject detail, home, value system

REFERENCES

- [1] Balabanova E.S. Konceptiya marginal'nosti v zapadnoj sociologii [The concept of marginality in Western sociology]. Marginal'nost' v sovremennoj Rossii. Kollektivnaya Monografiya [Marginal'nost' v sovremennoj Rossii. Collective monography]. Nauchnye doklady [Scientific reports]. V. 121. M.: MONF, 2000. P. 7–27.
- [2] Bunina S.N. Marginal'noe soznanie i marginal'nyj diskurs v russkoj literature nachala XX veka [Marginal consciousness and marginal discourse in Russian literature of the early twentieth century]. Voprosy russkoj literatury [Questions of Russian literature]. 2005. V. 11. Available at: <https://www.scribble.su/magazine/voprosi11/1.html> (accessed: 11.02.2017).
- [3] Bunina S.N. Poety marginal'nogo soznaniya v russkoj literature nachala XX veka: M. Voloshin, E. Guro, E. Kuz'mina-Karavaeva: diss. ... d-ra filol. nauk [Poets of marginal consciousness in Russian literature of the early XX century: M. Voloshin, E. Guro, E. Kuzmina-Karavaeva. Dokt. Diss.]. Moscow, 2006. Available at: <https://www.dissercat.com/content/poety-marginalnogo-soznaniya-v-russkoi-literature-nachala-xx-veka-m-voloshin-e-guro-e-kuzmin#ixzz3y6MiL2qd> (accessed: 15.09.2016).
- [4] Vorob'yova E.S. Marginal'nyj geroj v russkoj proze poslednej treti XX — nachala XXI vv.: diss. ... kand. filol. nauk [The marginal hero in Russian prose of the last third of the twentieth and beginning of the twenty-first century. Ph.D. Tesis]. Arhangel'sk, 2015. 180 p.
- [5] Gazizova A.A. Principy izobrazheniya marginal'nogo cheloveka v russkoj filosofskoj proze veka: opyt tipologicheskogo analiza: diss. ... d-ra filol. nauk [Principles of depicting a marginal person in the Russian philosophical prose of the twentieth century: the experience of a typological analysis. Doct. Diss.]. Moscow, 1992. 375 p.
- [6] Zhitenev A.A., Ternova T.A. Hudozhestvennaya innovaciya v «memorial'noj» paradigme: «marginal'noe» v osmyslenii rossijskogo postmodernizma [Artistic innovation in the “memorial” paradigm: “marginal” in the comprehension of Russian postmodernism]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya [Bulletin of the Perm University. Russian and foreign philology]. 2011. V. 3 (15). Pp. 139–145.
- [7] Park R.E. Chelovecheskaya migraciya i marginal'nyj chelovek [Human migration and the marginal man]. M.: RAN-INION, 2011. Available at: <https://www.twirpx.com/file/1484528/> (accessed: 09.09.2016).
- [8] Roman Senchin. Esli slushat' pisatelej, vse razvalitsya [Zakhar Prilepin asks. Interview on literature and politics. Roman Senchin. If you listen to writers, everything will fall apart] Available at: <https://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html> > (accessed: 14.08.2015).

- [9] Rossiyskaya social'naya ehnciklopediya [Russian Social Encyclopedia]. Pod obsh. redakciej ak. RAN G.V. Osipova. Moscow: Norma — Infa, 1998. 672 p.
- [10] Rudalev A. Katekhizis «novogo realizma». Vtoraya volna. Ne tak strashen «novyj realizm», kak ego malyuyut [Catechism of the “new realism”. The second wave. Not so terrible is the “new realism”, as it is painted]. Available at: <http://www.rospisatel.ru>konferenzija/rudaljev.htm> (accessed: 25.08.2015).
- [11] Senchin R. Pitomcy stabil'nosti ili budushchie buntari? Debyutanty nulevyh godov [Stability pets or future rebels? Debutants of the zero years]. Druzhba narodov [Peoples' Friendship]. 2010. V. 1 Available at: <http://www.magazines.russ.ru>Дружба народов>2010/1/se13.html> (accessed: 14.08.2015).
- [12] Senchin R. Yoltishevi [Yoltishevs]. Moscow: Exmo, 2010. P. 316.
- [13] Ternova T.A. Fenomen marginal'nosti v literature avangarda pervoj treti XX veka: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [The phenomenon of marginality in the avant-garde literature of the first third of the twentieth century. Extended Abstract of Doct. Diss. Thesis]. Voronezh, 2012. Available at: <http://www.cheloveknauka.com>fenomen-marginalnosti...avangarda> (accessed: 10.12.2016).

Article history:

Received: 8 February 2017

Revised: 15 March 2017

Accepted: 5 April 2017

For citation:

Ponomareva T.A. (2017) The marginal hero in the prose of R. Senchin. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 22 (2), 274–281.

Bio Note:

Ponomareva Taniانا Alexandrovna, doctor of philological science, professor, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University.

Contacts: e-mail: taonomareva@mail.ru